

Фельетон "Ясной зари"

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ О ГОРЬКОМ

Имя Горького последних лет связано с так называемым богостроительским течением в нашей литературной и общественной жизни.

По мере развития своего таланта, Горький мало-помалу переходил от бывших людей к изображению проповедников нового, борцов за общечеловеческое счастье. Первым значительным произведением в этой области была пьеса "Враги". Затем следовало: "Мать", "Исповедь", "Лето", "Петр¹ Кожемякин".

Его любимые герои уже не похожи на мятущихся, снедаемых смутной и непонятной тоской Гордеевых и Луневых; нет у них общего и с свободными, независимыми босяками. В них нет внутреннего мятежа, нет недовольства. Его новые герои нашли себя, определили свое место в жизни - и спокойно, уверенно идут к своей цели, примиренные с жизнью, полные чувств великой солидарности с человеческим целым.

Что дает им силы отказываться от любимых девушек, переносить мытарства, почему взор их прикован к одной точке, отчего свою молодость, жизнь свою они отдают, - отдают деловито, незаметно, без сожаления, упрека? Горький находит ответ в их приобщенности к великому человеческому коллективу, в спаянности их "я" с "великим народушком", в способности растворить это "я" в океане человеческих стремлений, горя и радости.

В последних произведениях Горького нет былого индивидуализма, обожествления личности, ее прав, нет индивидуалистического романтизма золотых снов. Наоборот, счастье, "смысл жизни", великая жизненная задача человека заключается в том, чтобы отказаться от своего "я", слиться в одном всеобъемлющем чувстве любви и солидарности с человечеством, неустанно идущим вперед, проникнуться этим чувством до такой степени, чтобы не сознавать своей отделенности, отграниченности, своего личного. В "Исповеди" Горький прямо говорит, что несчастье и зло жизни начались с того момента, когда жалкий комочек "я" оторвался от человеческого целого и стал сознавать свою обособленность.

Не горный индивидуализм, а отказ от "своего" проповедует Горький. Своеобразный пантеизм, жизнь в коллективе и чрез коллектив. Человечество, а не человек - вот центр жизни. Грядущее человечество - вот бог, которому должен поклоняться, молиться

¹ Опечатка в тексте газеты - О.С.

человек. Строить бога - значит из миллиона человеческих разорванных и разобщенных "я" создавать один великий, неделимый организм, - его же не сокрушат никакие силы земные.

В соответствии с этим новые герои Горького, уверовав и утвердившись в своей вере, не знают больше сомнений; томления духа, алкание и жажда духовная неведомы им, раз только они сумели отказаться от своего жалкого, маленького "я". Они счастливы, нашли высший синтез жизни. Наоборот, человек не проникнутый новым мироощущением, жалок, одинок, лишен жизненной гармонии, находится вне очищающего потока.

Вспомните замечательную в художественном отношении одинокую фигуру стражника в "Лете".

С первого взгляда может показаться, что пантеизм Горького, его обожествление человечества в самом деле есть наиболее ценное настроение с точки зрения общественного развития. Действительно, разве не путем роста солидарности человечество сбросит с себя тяжелые цепи и многочисленные путы, разве не несет культ голого "я" с собой мертвящего чувства, заброшенности; разве не этой обособленностью человеческих личностей в огромной, если не исключительной степени, объясняется тот страх смерти, что точит душу, как ржа - железо, и разве, наоборот, сроднившие себя с передовым человечеством не достигают наивозможнейшей гармонии в жизни?

С первых дней своей литературной деятельности Горький развивался, креп, поднимался все выше и выше. Годы бури и натиска влили в его душу новые свежие струи, обогатили его художественную интуицию новыми словами и чувствами. Посмотрите, сколько теплой, нежной любви к людям в его последнем "Петре Кожемякине", как божественно хороши многие страницы его "Исповеди", благодаря трепетной любви ко всему живому, щедро разлитой в строках и между ними! Своими призывами, своей проповедью последних лет Горький показал, какой богатой, чуткой душой обладает его талант. Но... Дальше следует существенное "но".

О значении социальных импульсов не может быть двух мнений, но в том-то и дело, что у Горького именно в этой части далеко не все обстоит благополучно.

Обратите внимание, читатель, на то обстоятельство, что дух великого гнева, дух войны и вызова, чем был так богат Горький раньше, совершенно почти отсутствует в его последних произведениях. Преобладают мягкие, нежные, ровные тона. Иногда чуть-чуть проскользнет легкая усталость. Его герои любят человечество, но любят без страсти, безмятежно. Великая любовь рождает великую ненависть даже к любимым, если она действительна и бесконечно растет, развивается; там, где развитие, там и противоречия; их нужно преодолеть; в этом и заключается вечное движение жизни.

Любовь героев Горького лишена этой борьбы, она неподвижна, не проходит стадии кипучего изменения. А сколько ведь есть препятствий? Как трудно бывает любить даже лучших людей, сколько накопи в человеке, какой груз пошлости, мелочности, тупости, чванливости кругом, в себе и в других, с кем приходится идти нога в ногу! Нужно все это преодолеть. Нужно неустанно переделывать себя и других, чтобы любить и быть любимым.

У героев же Горького любовь является всегда готовой, сложившейся, будто снизошла, осенила их с горных высот, а не родилась среди мук и страданий.

Так и бывает. На пути к высшему синтезу жизни постоянно встают седые туманы, бродят призраки прошлого, пугают пришельцы из того мира, смущают роскошные сады прохладой, негой и сладким покоем. И большинство путников не раз бывают готовы бросить посох, прекратить опасное восхождение; но оправляются и после подчас непередаваемо-трудной борьбы двигаются вперед и выше. Вот этой борьбы нет у Горького. Года 3-4 тому назад, у нас провозгласили конец Горького. Это была выдумка некоторых слишком почтенных критиков. Но то правда, что отсутствие указанного сейчас элемента в последних произведениях Горького лишало эти произведения жизненной, захватывающей реальной правдивости, которая необходима великому художнику. Мук рождения нового мироощущения не достает его повестям и рассказам. И, в конце концов, происходит, как мне кажется, это оттого, что именно готовая, безоблачная любовь нужна Горькому, нужна, чтобы могло быть достигнуто то распыление и растворение "я", которое проповедует Горький. В глубине, на дне этого растворения вы найдете заботы о "жалком" комочке, о личности.

В желании отрешиться от себя и потонуть в пантеистическом всеощущении всегда чувствуется стремление сбросить тяжесть своего "я", бремя забот о нем, стремление найти прибежище от собственной бесприютности, найти опоры, уйти от мучительных вопросов.

Есть все это и у Горького, и у прочих богостроителей, например, у Луначарского. Разве Иона - странник, герой "Исповеди" Горького, не отправляется все время в своих поисках новой религии от интимных потребностей и мук своей личности, своего "я"? Далее, почему на освобождение от одиночества и от страха смерти указывают богостроители, как на аргумент в пользу нового религиозного сознания? В самом факте подобных вопросов есть уже что-то неладное, свидетельствующее о внутреннем разладе личности. Только когда зарождается одиночество, ощущается факт индивидуального уничтожения, только тогда ставится самый вопрос. У цельного человека его нет.

Оценивая "богостроительство" Горького с теоретической точки зрения и с точки зрения практического значения, необходимо сказать следующее.

Вопрос о личности и обществе решается Горьким неправильно, путем устранения одного из противоположных элементов.

Одинаково ошибочно: устранять личность во благо общества и наоборот. Наше "я" должно расти, развиваться, и задача его по отношению к обществу должна заключаться во внесении в общественную жизнь своего, личного. Только таким путем и может развиваться само общество; в противном случае общество ждет застой, неподвижность. Чем богаче общество резко, отчетливо сложившимися и сформировавшимися личностями, тем богаче оно жизнью, тем быстрее темп его развития. И наоборот: личность, "я" только тогда сама растет, когда у нее есть скрепы, есть связи живые с общественным целым. Среда создает, питает личность. Стремление же отказаться от "я" у некоторой части нашей интеллигенции явилось в результате той внутренней растерянности, упадка сил, стойкости в борьбе и, - как это ни странно звучит при оценке богостроительства, - отрешения личности от общества после периода бури и натиска.

Человек почувствовал свое одиночество, наступившую разобщенность и старается создать себе фетиш из общества, обожествить человеческие отношения, чтобы хотя бы таким путем не потерять своей связанности с людьми. В заключение повторю. Горький сделал громадный шаг вперед от романтического индивидуализма к солидарности и растущему братству людей. Здесь на нем отразились годы бури и борьбы. Но его богостроительство, проповедь своеобразного пантеизма навеяны шквалом внутренней реакции, пережитой нами в последние годы.

Нурмин